

rocket**book**

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Я тебя никогда не забуду...

Андрей Андреевич Вознесенский

Я тебя никогда не забуду...

Серия «Pocket book. Русская классика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69718228
Я тебя никогда не забуду...: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192738-7

Аннотация

«Андрей Вознесенский ворожит-завораживает, иронизируя, играя, перетекая через ритм от звука, намек и недомолвок к всепоглощающему смыслу в пространстве собственных слов и строф», – писал Эрнст Неизвестный.

Поэтические озарения Вознесенского вспыхивают в пространстве обыденной жизни, но этим они еще более ценны. Эксперименты в области звуковых метафор, видеом, кругометров не умаляют силы нежного и трагического лиризма поэзии знаменитого «шестидесятника». Автор либретто к знаменитой рок-опере «„Юнона” и „Авось”», всенародно любимых романсов «Сага», «Белый шиповник», песен, среди которых «Миллион роз», «Ты меня никогда не забудешь...», «Вальс при свечах», «На бис», «Часы»...

Андрей Вознесенский – мастер метафорической игры, неизменно поражающий читателя новизной и уверенностью своих стихотворений, лучшие из которых вошли в эту книгу.

Содержание

Из книги «Мозаика»	7
Последняя электричка	7
Параболическая баллада	9
Колесо смеха	11
В. Б.	13
Гойя	14
«Кто мы – фишки или великие?...»	15
«Меня пугают формализмом...»	17
Из книги «Парабола»	19
Дорожная	19
Торгуют арбузами	21
Репортаж с открытия ГЭС	22
Из сибирского блокнота	24
Ода сплетникам	26
Тбилисские базары	28
Горный родничок	30
В горах	31
Туля	32
Первый лед	34
«Лежат велосипеды...»	36
Тайгой	38
Крылья	40
Земля	41

Из книги «40 лирических отступлений из поэмы „Треугольная груша”»	43
Стриптиз	43
Лобная баллада	45
Нью-йоркская птица	48
Антимиры	50
«Я сослан в себя...»	53
Бьют женщину	55
Осень в Сигулде	57
Монолог битника	61
«Бегите – в себя, на Гаити, в костелы...»	63
«Я – семья...»	65
Противостояние очей	66
Рублевское шоссе	68
Пожар в Архитектурном институте	70
Сирень «Москва – Варшава»	72
Секвойя Ленина	75
Из книги «Антимиры»	78
Монолог Мерлин Монро	78
«Сирень похожа на Париж...»	82
Париж без рифм	83
Ночь	88
Муромский сруб	89
Баллада-диссертация	90
Лирическая религия	93
Латышский эскиз	95

«Как всегда, перед дорогой...»	97
«Шарф мой, Париж мой...»	98
Тишины!	100
Итальянский гараж	102
Бьет женщина	104
Песня Офелии	107
Прощание с Политехническим	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Андрей Андреевич Вознесенский

Я тебя никогда не забуду...

© Вознесенский А.А., наследники, 2023

© Кошелев В.А., составление, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Из книги «Мозаика»

Последняя электричка

Мальчики с финками, девочки с фиксами.
Две контролерши заснувшими сфинксами.
Я еду в этом тамбуре,
спасаясь от жары.
Кругом гудят, как в таборе,
гитары и воры.
И как-то получилось,
что я читал стихи
между теней плечистых,
окурков, шелухи.
У них свои ремесла.
А я читаю им,
как девочка примерзла
к окошкам ледяным.
На чёрта им девчонка
и рифм ассортимент?
Таким, как эта, – с челкой
и пудрой в сантиметр?!
Стоишь – черты спитые,
на блузке видит взгляд
всю дактилоскопию

малаховских ребят.
Чего ж ты плачешь бурно,
и, вся от слез светла,
мне шепчешь нецензурно
чистейшие слова?..
И вдруг из электрички,
ошеломив вагон,
ты чище Беатриче
сбегаешь на перрон!

1959

Параболическая баллада

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно – во мраке и реже – по радуге.
Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом – торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть
из Монмартра,

Он

дал

кругаля через Яву с Суматрой!
Унесся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жен, духоту академий.
Он преодолел

тяготенье земное.

Жрецы гоготали за кружкой пивною:
«Прямая – короче, парабола – круче,
Не лучше ль скопировать райские кущи?»
А он уносился ракетой ревущей
Сквозь ветер, срывающий фалды и уши.
И в Лувр он попал не сквозь главный порог —
Параболой

гневно

пробив потолок!

Идут к своим правдам, по-разному храбро,
Червяк – через щель, человек – по параболе.
Жила-была девочка рядом в квартале.

Мы с нею учились, зачеты сдавали.

Куда ж я уехал!

И черт меня нес

Меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Прости мне дурацкую эту параболу.

Простывшие плечики в черном парадном...

О, как ты звенела во мраке Вселенной

Упруго и прямо – как прутик антенны!

А я всё лечу,

приземляясь по ним —

Земным и озябшим твоим позывным.

Как трудно дается нам эта парабола!..

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,

Несутся искусство,

любовь

и история —

По параболической траектории!

В сибирской весне утопают калоши.

А может быть, всё же прямая – короче?

1959

Колесо смеха

Летят носы клубникой, подолаы и трико.

А в центре столб клубится —
ого-го!

Смеху сколько —
скользко!

Девчонки и мальчишки
слетают в снег, визжа,
как с колеса точильщика
иль с веловиража.

Не так ли жизнь заносит
министров и портных,
им задницы занозит
и скидывает их?

Как мне нужна в поэзии
святая простота,
но мчит меня по лезвию
куда-то не туда.

Обледенели доски.

Лечу под хохот толп,
а в центре, как Твардовский,
стоит дубовый столб.

Слетаю метеором под хохот и галдеж...

Умора!

Ой, умрешь.

1953

В. Б.

Нет у поэтов отчества.
Творчество – это отрочество.
Ходит он – синеокий,
гусельки на весу,
очи его – как окуни
или окно в весну.
Он неожидан, как фишка.
Ветренен, точно март...
Нет у поэта финиша.
Творчество – это старт.

1957

Гойя

Я – Гойя!

Глазницы воронок мне выклевал враг,
слетая на поле нагое.

Я – Горе.

Я – голос

войны, городов головни на снегу
сорок первого года.

Я – голод.

Я – горло

повешенной бабы, чье тело, как колокол,
било над площадью голой...

Я – Гойя!

О, грозди

возмездья! Взвил залпом на Запад —
я пепел незваного гостя!

И в мемориальное небо вбил

крепкие звезды —

как гвозди.

Я – Гойя.

«Кто мы – фишки или великие?...»

Кто мы – фишки или великие?
Гениальность в крови планеты.
Нету «физиков», нету «лириков» —
лилипуты или поэты!

Независимо от работы
нам, как оспа, привился век.
Ошарашивающее – «Кто ты?»
нас заносит, как велотрек.

Кто ты? Кто ты? А вдруг – не то?..
Как Венеру шерстит пальто!
Кукарекать стремятся скворки,
архитекторы – в стихотворцы!

И оттаивая ладошки,
поэтессы бегут в лотошницы.

Ну а ты?..
Уж который месяц —
В звезды метишь, дороги месишь...
Школу кончила, косы сбросила,
побыла продавщицей – бросила.
И опять, и опять, как в салочки,
меж столешниковых афиш,

несмышлениш,
олешка,
самочка,
запыхавшаяся стоишь!..

Кто ты? Кто?! – Ты глядишь с тоскою
в книги, в окна – но где ты там? —
Припадаешь, как к телескопам,
к неподвижным мужским зрачкам...

Я брожу с тобой в толщах снега...
Я и сам посреди лавин,
вроде снежного человека,
абсолютно неуловим.

1958

«Меня пугают формализмом...»

Меня пугают формализмом.

Как вы от жизни далеки,
пропахнувшие формалином
и фимиамом знатоки!
В вас, может, есть и целина,
но нет жемчужного зерна.

Искусство мертвенно без искры,
не столько Божьей, как людской,
чтоб слушали бульдозеристы
непроходимую тайгой.
Им приходилось зло и солоно,
но чтоб стояли, как сейчас,
они – небритые, как солнце,
и точно сосны – шелушась.
И чтобы девочка-чувашка,
смахнувши синюю слезу,
смахнувши – чисто и чумазо,
смахнувши – точно стрекозу,
в ладони хлопала раскатисто...

Мне ради этого легки
любых ругателей рогатины
и яростные ярлыки.

1953

Из книги «Парабола»

Дорожная

В одном вагоне – четыре гармони,
Четыре черта в одном вагоне.
Четыре чуба, четыре пряжки,
Четыре,
Четыре,
Четыре пляски!

Эх, чечеточка, барыня, барыня!
Одна девчонка —
Четыре парня.
Четыре чуда, четыре счастья,
Хоть разревись —
Разорвись на части!

Кончена учеба. Пути легли
Во все четыре конца земли.
Чимкент,
 Чукотка,
 Сибирь,
 Алтай...
Эх, чечеточка!

Выбирай!

1960

Торгуют арбузами

Москва завалена арбузами.
Пахнуло волей без границ.
И веет силой необузданной
от возбужденных продавщиц.

Палатки. Гвалт. Платки девчат.
Хохочут. Сдачею стучат.
Ножи и вырезок тузы.
«Держи, хозяин, не тужи!»

Кому кавун? Сейчас расколется!
И так же сочны и вкусны
милиционерские околыши
и мотороллер у стены.

И так же весело и свойски,
как те арбузы у ворот,
земля мотается
в авоське
меридианов и широт!

Репортаж с открытия ГЭС

Мы – противники тусклого.
Мы приучены к шири —
самовара ли тульского
или Ту-104.

Затаенно, по-русски,
быстриною блестят
широченные русла
в миллион киловатт.

В этом пристальном крае,
отрицатели мглы,
мы не ГЭС открываем —
открываем миры.

И стоят возле клуба,
описав полукруг,
Магелланы, Колумбы
Из Коломн и Калуг,

судят веско, не робко,
что там твой эрудит...
Обалдело Европа
в объективы глядит.
И сверкают, как слитки,

лица крепких ребят
белозубой улыбкой
в миллиард киловатт.

1958

Из сибирского блокнота

Здесь гостям наливают
так, что вышибут дух.
Здесь уж если рожают,
обязательно двух!
Если сучья – так бивни,
а уж если река,
блещут, будто турбины,
белых рыбин бока.
Как пружина раскрученный,
бьет сазан из сачка.
Солнце брызжет из тучи,
как с тугого
соска!

Ты куда, попрыгунья,
с молотком на боку?
Ты работала в ГУМе,
ты махнула в тайгу.
Точно шарик пинг-понга,
ты стучишь о мостки,
аж гудят перепонки
тугоухой тайги!
Ты о елочки колешься.
Там, где лес колдовал,
забиваешь ты колышки:
«Домна». «Цех». «Котлован».

Как в шекспировских актах —
«Лес». «Развалины». «Ров».
Героини в палатках.
Перекройка миров.

1958

Ода сплетникам

Я славлю скважины замочные.

Клевещущему —

исполать.

Все репутации подмочены.

Трещи,

трехспальная кровать!

У, сплетники! У, их рассказы!

Люблю их царственные рты,

их уши,

точно унитазы,

непогрешимы и чисты.

И версии урчат отчаянно

в лабораториях ушей,

что кот на даче у Ошанина

сожрал соседских голубей,

что гражданина А в редиске

накрыли с балериной Б...

Я жил тогда в Новосибирске

в блистанье сплетен о тебе.

Как пулеметы, телефоны

меня косили наповал.

И точно тенор — анемоны,

я анонимки получал.

Междугородные звонили.
Их голос, пахнувший ванилью,
шептал, что ты опять дуришь,
что твой поклонник толст и рыж.
Что таешь, таешь льдышкой тонкой
в пожатые пышущих ручищ...

Я возвращался.
На Волхонке
лежали черные ручьи.

И всё оказывалось шуткой,
насквозь придуманной виной,
и ты запахивала шубку
и пахла снегом и весной.

Так ложь становится гарантией
твоей любви, твоей тоски...
Орите, милые, горланьте!..
Да здравствуют клеветники!
Смакуйте! Дергайтесь от тика!
Но почему так страшно тихо?

Тебя не судят, не винят,
и телефоны не звонят...

Тбилисские базары

Носы на солнце лупятся,
как живопись на фресках.

Долой Рафаэля!
Да здоровствует Рубенс!
Фонтаны форели,
цветастая грубость!

Здесь праздники в будни,
арбы и арбузы.
Торговки – как бубны,
в браслетах и бусах.

Индиго индеек.
Вино и хурма.
Ты нынче без денег?
Пей задарма!

Да здоровствуют бабы,
торговки салатом,
под стать баобадам
в четыре обхвата!
Базары – пожары.
Здесь огненно, молодо
пылают загаром

не руки, а золото.

В них отблески масел
и вин золотых.

Да здоровствует мастер,
что выпишет их!

1958

Горный родничок

Стучат каблучонки,
как будто копытца,
девчонка к колонке
сбегает напиться,

и талия блещет
увертливей змейки,
и юбочка плещет,
как брызги из лейки.

Хохочет девчонка
и голову мочит.
Журчащая челка
с водою лопочет.
Две чудных речонки,

к кому кто приник?
и кто тут
девчонка?
и кто тут родник?

В горах

Здесь пишется, как дышится, —
Взволнованно, распахнуто,
Как небосводам пышется
И как звенится пахотам.

Здесь кручи кружат головы,
И жмурятся с обочины,
Как боги полуголые,
Дорожные рабочие!

И девушки с черешнями
И вишнями в охапке —
Как греческие грешные
Богини и вакханки.

Носы на солнце лупятся,
Как живопись на фресках.
Здесь пишется – как любитя,
Взволнованно и дерзко!

Туля

Кругом тута и туя.
А что такое – Туля?

То ли турчанка —
тонкая талия?

То ли речонка —
горная,
талая?

То ли свистулька?
То ли козуля?
Т у л я!

Я ехал по Грузии,
грушевой, вешней,
среди водопадов
и белых черешней.

Чинары, чонгури,
цветущие персики
о маленькой Туле
свистали мне песенки.
Мы с ней не встречались.
И всё, что успели,

столкнулись – расстались
на Руставели...

Но свищут пичуги
в московском июле:
«Туит —
ту-ту —
туля!
Туля! Туля!»

1958

Первый лед

Мерзнет девочка в автомате,
прячет в зябкое пальтецо
всё в слезах и губной помаде
перемазанное лицо.

Дышит в худенькие ладошки.
Пальцы – льдышки. В ушах – сережки.

Ей обратно одной, одной
вдоль по улочке ледяной.

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.

Мерзлый след на щеках блестит —
первый лед от людских обид.

Поскользнешься, ведь в первый раз.
Бьет по радио поздний час.

Эх, раз,
еще раз,
еще много, много раз.

«Лежат велосипеды...»

В. Бокову

Лежат велосипеды
в лесу, в росе.
В березовых просветах
блестит шоссе.

Попадали, припали
крылом к крылу,
педалями – в педали,
рулем – к рулю.

Да разве их разбудишь —
ну хоть убей! —
оцепенелых чудищ
в витках цепей.

Большие, изумленные,
глядят с земли.
Над ними – мгла зеленая,
смола, шмели.

В шумящем изобилии
ромашек, мят
лежат. О них забыли.

И спят, и спят.

1957

Тайгой

Твои зубы смелы
в них усмешка ножа
и гудят как шмели
золотые глаза!

Мы бредем от избушки,
нам трава до ушей
ты пророчишь мне взбучку
от родных и друзей

ты отнюдь не монахиня
хоть в округе – скиты
бродят пчелы мохнатые
нагибая цветы

на ромашках роса
как в буддийских пиалах
как она хороша
в длинных мочках фиалок

В каждой капельке-мочке
отражаясь мигая
ты дрожишь как Дюймовочка
только кверху ногами
ты – живая вода

на губах на листке
ты себя раздала
всю до капли – тайге.

1958

Крылья

Дрыхнут боги в облаках —
Лежебоки
в гамаках!

Что нам боги? Что нам птицы,
Птичьи всякие традиции?!

Крылья?!.
Непонятно даже:
Что в них видели века?
Их
всё ближе
к фюзеляжу
Прижимают
облака.

Нашим чудо-аппаратам
Чужды пережитки крыльев,
Люди новое открыли,
Людям стало мало крыльев,
Людям
Дерзким и крылатым.

Мир морей и женщин, поездов навстречу —
Фырчущий,
 фруктовый,
 чудо-человечий!..

Где-нибудь на Марсе выйдет гость с Земли.
Выйдет, улыбнется, вынет горсть земли —
Горсточку горячей,
Милой, чуть горчащей,
Мчащейся вдали
Матери-Земли!

1958

Из книги «40 лирических отступлений из поэмы „Треугольная груша”»

Стриптиз

В ревию
танцовщица раздевается, дуря...
Реву?..
Или режут мне глаза прожектора?

Шарф срывает, шаль срывает, мишуру,
как сдирают с апельсина кожуру.

А в глазах тоска такая, как у птиц.
Этот танец называется «стриптиз».
Страшен танец. В баре лысины и свист,
как пиявки, глазки пьяниц налились.
Этот рыжий, как обляпанный желтком,
пневматическим исходит молотком!

Тот, как клоп, —
апоплексичен и страшон.

Апокалипсисом воеет саксофон!

Проклинаю твой, Вселенная, масштаб!

Марсианское сиянье на мостах,

проклинаю,

обожая и дивясь.

Проливная пляшет женщина под джаз!..

«Вы Америка?» – спрошу, как идиот.

Она сядет, сигаретку разомнет.

«Мальчик, – скажет, – ах, какой у вас акцент!

Закажите-ка мартини и абсент».

1961

Лобная баллада

Их Величеством поразвлекся
прет народ от Коломн и Клязьм.
«Их любовница – контрразведчица
англо-шведско-немецко-греческая...»
Казнь!

Царь страшон: точно кляча, тощий,
почерневший, как антрацит.
По лицу проносятся очи,
как буксующий мотоцикл.

И когда голова с топорика
подкатилась к носкам ботфорт,
он берет ее
над толпою,
точно репу с красной ботвой!

Пальцы в щеки впились, как клещи,
переносицею хрустя,
кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.

Только Красная площадь ахнет,
тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!...»

Отвечает ему она:

«Мальчик мой, Государь великий,
не судить мне твоей вины,
но зачем твои руки липкие
солонь?»

баба я —
вот и вся провинность
государства мои в устах,
я дрожу брусничной кровиночкой
на державных твоих усах,

в дни строительства и пожара
до малюсенькой ли любви?

ты целуешь меня, Держава,
твои губы в моей крови,

перегаром, борщом, горохом
пахнет щедрый твой поцелуй

как ты любишь меня, Эпоха,
обожаю тебя,
царуй!..»

Царь застыл – смурной, малахольный,
царь взглянул с такой меланхолией,
что присел заграничный гость,

будто вбитый по шляпку гвоздь.

1961

Нью-йоркская птица

На окно ко мне садится
в лунных вензелях
алюминиевая птица —
вместо тела фюзеляж

и над ее шеей гайковой
как пламени язык
над гигантской зажигалкой
полыхает женский лик!

(В простынь капиталистическую
Завернувшись, спит мой друг.)

кто ты? бред кибернетический?
полуробот? полудух?
помесь королевы блюза
и летающего блюда?

может, ты душа Америки,
уставшей от забав?
кто ты, юная химера,
с сигареткою в зубах?

но взирают, не мигая,
не отерши крем ночной,

очи, как на Мичигане,
у одной

у нее такие газовые
под глазами синячки
птица, что предсказываешь?
птица, не солги!

что ты знаешь, сообщаешь?
что-то странное извне
как в сосуде сообщающемся
подымается во мне
век атомный стонет в спальне...

(Я ору. И, матерясь,
Мой напарник как ошпаренный
Садится на матрас.)

1961

Антимиры

Живет у нас сосед Букашкин,
в кальсонах цвета промокашки.
Но, как воздушные шары,
над ним горят
Антимиры!

И в них магический, как демон,
вселенной правит, возлежит
Антибукашкин, академик,
и шупает Лоллобриджид.

Но грезятся Антибукашкину
виденья цвета промокашки.

Да здравствуют Антимиры!
Фантасты – посреди муры.
Без глупых не было бы умных,
оазисов – без Каракумов.

Нет женщин —
есть антимужчины,
в лесах ревут антимашины.
Есть соль земли. Есть сор земли.
Но сохнет сокол без змеи.
Люблю я критиков моих.

сказал: «Антимиры? – Мура!...»
Я сплю, ворочаюсь спросонок,
наверно, прав научный хмырь.
Мой кот, как радиоприемник,
зеленым глазом ловит мир.

1962

«Я сослан в себя...»

Я сослан в себя,
я – Михайловское,
горят мои сосны, смыкаются

в лице моем мутном как зеркало
сморкаются лоси и перголы

природа в реке и во мне
и где-то еще – извне

три красные солнца горят,
три рощи, как стекла, дрожат,

три женщины брезжут в одной,
как матрешки – одна в другой.

Одна меня любит, смеется,
другая в ней птицей бьется,

а третья – та в уголок
забилась как уголек,

она меня не простит
она еще отомстит.

Мне светит ее лицо,
как со дна колодца – кольцо.

1961

Бьют женщину

Бьют женщину. Блестит белок.
В машине темень и жара.
И бьются ноги в потолок,
как белые прожектора!

Бьют женщину. Так бьют рабынь.
Она в заплаканной красе
срывает ручку, как рубильник,
выбрасываясь на шоссе!

И взвизгивали тормоза.
К ней подбегали, тормоша.
И волочили, и лупили
лицом по лугу и крапиве...

Подонки, как он бил подробно,
стиляга, Чайльд-Гарольд, битюг!
Вонзался в дышащие ребра
ботинок узкий, как утюг.

О, упоенье оккупанта,
изыски деревенщины...
У поворота на Купавну
бьют женщину.

Бьют женщину. Веками бьют,
бьют юность, бьет торжественно
набата свадебного гуд,
бьют женщину.

А от жаровен на щеках
горящие затрещины?
Мещанство, быт – да еще как! —
бьют женщину.

Но чист ее высокий свет,
отважный и божественный.
Религий – нет, знамений – нет.
Есть Женщина!..

...Она, как озеро, лежала,
стояли очи, как вода,
и не ему принадлежала,
как просека или звезда,

и звезды по небу стучали,
как дождь о черное стекло,
и, скатываясь, остужали
ее горячее чело.

Осень в Сигулде

Свисаю с вагонной площадки,
прощайте,

прощай, мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорами,
мой дом забивают дощатый,
прощайте.

Леса мои сбросили кроны,
пусты они и грустны,
как ящик с аккордеона,
а музыку – унесли,

мы – люди,
мы тоже порожни,
уходим мы, так уж положено,
из стен, матерей и из женщин,
и этот порядок извечен,

прощай, моя мама,
у окон
ты станешь прозрачно, как кокон,
наверно, умаялась за день,
присядем,

друзья и враги, бывайте,
гуд бай,
из меня сейчас
со свистом вы выбегаете,
и я уйду из вас,

о родина, прощаемся,
буду звезда, ветла,
не плачу, не попрошайка,
спасибо, жизнь, что была.

На стрельбищах
в 10 баллов
я пробовал выбить 100,
спасибо, что ошибался,
но трижды спасибо, что

в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак.

«Андрей Вознесенский» – будет,
побыть бы не словом, не бульдиком,
еще на щеке твоей душной —
«Андрюшкой»,

спасибо, что в рощах осенних
ты встретила, что-то спросила

и пса волокла за ошейник,
а он упирался,
спасибо,

я ожил, спасибо за осень,
что ты мне меня объяснила,
хозяйка будила нас в восемь,
а в праздники сипло басыла
пластинка блатного пошиба,
спасибо

но вот ты уходишь, уходишь,
как поезд
отходит, уходишь...
из пор моих полых уходишь,
мы врозь друг из друга уходим,
чем нам этот дом неугоден?

ты рядом и где-то далёко,
почти что у Владивостока,

я знаю, что мы повторимся
в друзья и подругах, в травинках,
нас этот заменит и тот —
«природа боится пустот».

Спасибо за сдутые кроны,
на смену придут миллионы,
за ваши законы – спасибо,

НО женщина мчится по склонам,
как огненный лист за вагоном...

Спасите!

1961

Монолог битника

Лежу, бухой и эпохальный.
Постигаю Мичиган.
Как в губке, время набухает
в моих веснушчатых щеках.

В лице, лохматом, как берлога,
лежат озябшие зрачки.
Перебираю, как брелоки,
прохожих огоньки.

Ракетодомами гремя,
дождями атомными рея,
плевало время на меня,
плюю на время!

Политика? К чему валандаться?
Цивилизация душна.
Вхожу, как в воду с аквалангом,
в тебя, зеленая душа...

Мы – битники. Среди хулы
мы – как звереныши, волчата.
Скандалы точно кандалы
за нами с лязгом волочатся.

Когда магнитофоны ржут,
с опухшим носом скомороха,
вы думали – я шут?
Я – суд!
Я – Страшный суд. Молись, эпоха!

1961

«Бегите – в себя, на Гаити, в костелы...»

Э. Неизвестному

Бегите – в себя, на Гаити, в костелы,
в клозеты, в Египты —
бегите!

Нас темные, как батыи,
машины поработили.

В судах их клеветы наглые,
из рюмок дую бензин,
вычисляют: кто это в Англии
вел бунт против машин?
Бежим!..

А в ночь, поборовши робость,
создателю своему
кибернетический робот:

«Отдай, – говорит, – жену!
Имею слабость к брюнеткам, – говорит. – Люблю
на тридцати оборотах. Лучше по-хорошему
уступите!...»

О хищные вещи века!
На душу наложено вето.
Мы в горы уходим и в бороды,
ныряем голыми в воду,

но реки мелеют, либо
В морях умирают рыбы...

...Душа моя, мой звереныш,
меж городских кулис
щенком с обрывком веревки
ты носишься и скулишь!

А время свистит красиво
над огненным Теннесси,
загадочное, как сирий
с дюралевыми шасси.

1961

«Я – семья...»

Ж.-П. Сартру

Я – семья
во мне как в спектре живут семь «я»,

невыносимых, как семь зверей,
а самый синий
свистит в свирель!

А весной
мне снится
что я – восьмой!

1962

Противостояние очей

Третий месяц ее хохот нарочит,
третий месяц по ночам она кричит.

А над нею, как сиянье, голоса,
вечерами

разражаются
глаза!

Пол-лица ошеломленное стекло
вертикальными озерами зажгло.

...Ты худеешь. Ты не ходишь на завод,
ты их слушаешь, как лунный садовод,
жизнь и боль твоя, как влага к облакам,
поднимается к наполненным зрачкам.

Говоришь: «Невыносима синева!
И разламывает голова!
Кто-то хищный и торжественно-чужой
свет зажег и поселился на постой...»

Ты грустишь – хохочут очи, как маньяк.
Говоришь – они к аварии манят.
Вместо слез —
иллюминированный взгляд.
«Симулирует», – соседи говорят.

Ходят люди, как глухие этажи.
Над одной горят глаза, как витражи.

Сотни женщин их носили до тебя,
сколько муки накопили для тебя!

Раз в столетие

касается

людей

это Противостояние Очей!..

...Возле моря отрешенно и отчаянно
бродит женщина, беременна очами.

Я под ними не бродил,
за них жизнью заплатил.

1961

Рублевское шоссе

Мимо санатория
реют мотороллеры.

За рулем влюбленные —
как ангелы рублевские.

Фреской Благовещенья,
резкой белизной
за ними блещут женщины,
как крылья за спиной!

Их одежда плещет,
рвется от руля,
вонзайтесь в мои плечи,
белые крыла.

Улечу ли?
Кану ль?
Соколом ли?
Камнем?

Осень. Небеса.
Красные леса.

Пожар в Архитектурном институте

Пожар в Архитектурном!
По залам, чертежам,
амнистией по тюрьмам —
пожар! пожар!

По сонному фасаду
бесстыже, озорно,
гориллой краснозадой
взвивается окно!

А мы уже дипломники,
нам защищать пора.
Трещат в шкафу под пломбами
мои выговора!

Ватман – как подраненный,
красный листопад.
Горят мои подрамники,
города горят.

Бутылью керосиновой
взвилось пять лет и зим...
Кариночка Красильникова,
ой! Горим!

Прощай, архитектура!
Пылайте широко,
коровники в амурах,
райкомы в рококо!

О юность, феникс, дурочка,
весь в пламени диплом!
Ты машешь красной юбочкой
и дразнишь язычком.

Прощай, пора окраин!
Жизнь – смена пепелищ.
Мы все перегораем.
Живешь – горишь.

А завтра, в палец чиркнувши,
вонзится злей пчелы
иглочка от циркуля
из горсточки золы...

...Всё выгорело начисто.
Милиции полно.
Всё – кончено!
Всё – начато!
Айда в кино!

Сирень «Москва – Варшава»

Р. Гамзатову

11. III.61

Сирень прощается, сирень – как лыжница,
сирень, как пудель, мне в щеки лижется!
Сирень заревана,
сирень – царевна,
сирень пылает ацетиленом!

Расул Гамзатов хмур, как бизон.
Расул Гамзатов сказал: «Свезем».

12. III.61

Расул упарился. Расул не спит.
В купе купальщицей сирень дрожит.
О, как ей боязно! Под низом
колеса поезда – не чернозем.
Наверно, в мае цвезть «красивей»...
Двойник мой, магия, сирень, сирень,
сирень как гений! Из всех одна
на третьей скорости цветет она!

Есть сто косулей —

одна газель.
Есть сто свистулек – одна свирель.
Несовременно цвести в саду.
Есть сто сиреней.
Люблю одну.
Ночные грозди гудят махрово,
как микрофоны из мельхиора.
У, дьявол-дерево! У всех мигрень.
Как сто салютов, стоит сирень.

13. III.61

Таможник вздрогнул: «Живьем? В кустах?!»
Таможник, ахнув, забыл устав.
Ах, чувство чуда – седьмое чувство...
Вокруг планеты зеленой люстрой,
промеж созвездий и деревень
свистит
 трассирующая
 сирень!
Смешны ей – почва, трава, права...

P. S.

Читаю почту: «Сирень мертва».

P. P. S.

Черта с два!

1961

Секвойя Ленина

В автомобильной Калифорнии,
Где солнце пахнет канифолью,
Есть парк секвой.

Из них одна
Ульянову посвящена.

«Секвойя Ленина?!»

Ату!

Столпотворенье, как в аду.

«Секвойя Ленина?!»

Как взрыв!

Шериф, ширинку не прикрыв,

Как пудель с красным языком,

Ввалился к мэру на прием.

«Мой мэр, крамола наяву.

Корнями тянется в Москву...

У!..»

Мэр съел сигару. Караул!

В Миссисипи

сиганул!

По всей Америке сирены.

В подвалах воет население.

«Секвойя?! Вурдалаку лысому?»

Пакует саквояж полиция.

Несутся танки черепахами.
Орудует землечерпалка.

.....

Зияет яма в центре парка.

Кто посадил тебя, секвойя?
Кто слушал древо вековое?

Табличка в тигле сожжена.
Секвойи нет.
Но есть она!

В двенадцать ровно
ежесуточно
над небоскребами
светла,
сияя кроной парашютовой,
светя
прожектором ствола,
торжественно-озарена,
секвойи нет,
и есть она.
Вот так
салюты над Москвою
листвой
таинственной
висят.

У каждого своя Секвойя,

мы Садим Совесть, Словно Сад.
Секвойя – свет мой и товарищ
в какой бы я ни жил стране,
среди авралов и аварий,
среди оваций карнавальных,
когда невыносимо мне,

я опускаюсь, как в бассейн,
в ее серебряную сень,

ее бесед – не перевесть..

Секвойи – нет?
Секвойя – есть!

1961

дышала Мерлин,

ее любили...

Изнемогают, хотят машины.

Невыносимо),

невыносимо

лицом в сиденьях, пропахших псиной!

Невыносимо,

когда насильно,

а добровольно – невыносимей!

Невыносимо прожить, не думая,

невыносимее – углубиться.

Где наша вера? Нас будто сдунули,

существованье – самоубийство,

самоубийство – бороться с дрянью,

самоубийство – мириться с ними,

невыносимо, когда бездарен,

когда талантлив – невыносимей,

мы убиваем себя карьерой,

деньгами, девками загорелыми,

ведь нам, актерам,

жить не с потомками,

а режиссеры – одни подонки,

мы наших милых в объятьях душим,

но отпечатываются подушки

на юных лицах, как след от шины,

невыносимо.

Ах, мамы, мамы, зачем рожают?
Ведь знала мама – меня раздавят,
о, кинозвездное оледененье,
нам невозможно уединенье —
в метро,
в троллейбусе,
в магазине.
«Приветик, вот вы!» – глядят разини,

невыносимо, когда раздеты
во всех афишах, во всех газетах,
забыв,

что сердце есть посередке,
в тебя завертывают селедки,

лицо измято,
глаза разорваны
(как страшно вспомнить во «Франс-Обзервере»
свой снимок с мордой самоуверенной
на обороте у мертвой Мерлин!).

Орет продюсер, пирог уписывая:
«Вы просто дуся,
ваш лоб – как бисерный!»

А вам известно, чем пахнет бисер?!
Самоубийством!

«Сирень похожа на Париж...»

Сирень похожа на Париж,
горящий осами окошек.
Ты кисть особняков продрогших
серебряную шевелишь.

Гудя нависшими бровями,
страшон от счастья и тоски,
Париж,
как пчелы,
собираю
в мои подглазные мешки.

1963

Париж без рифм

Париж скребут. Париж парадят.
Бьют пескоструйным аппаратом.
Матрон эпохи рококо
продраивает душ Шарко!

И я изрек: «Как это нужно —
содрать с предметов слой наружный,
увидеть мир без оболочек,
порочных схем и стен барочных!..»

Я был пророчески смешон,
но наш патрон, мадам Ланшон,
сказала: «О-ля-ля, мой друг!..»
И вдруг —

*город преобразился,
стены исчезли, вернее, стали прозрачными,
над улицами, как связки цветных шаров,
висели комнаты,
каждая освещалась по-разному,
внутри, как виноградные косточки,
горели фигуры и кровати,
вещи сбросили панцири, обложки, оболочки,
над столом
коричнево изгибался чай, сохраняя форму чайника,*

*и так же, сохраняя форму водопроводной трубы,
по потолку бежала круглая серебряная вода,
в Соборе Парижской Богоматери шла месса,
как сквозь аквариум,
просвечивали люстры и красные кардиналы,
архитектура испарилась,
и только круглый витраж розетки
почему-то парил над площадью, как знак:
«Проезд запрещен»,
над Лувром из постаментов,
как 16 матрасных пружин,
дрожали каркасы статуй,
пружины были во всем,
всё тикало,*

о Париж,
мир паутинок, антенн и оголенных проволочек,
как ты дрожишь,
как тикаешь мотором гоночным,
о, сердце под лиловой пленочкой,
Париж

*(на месте грудного кармашка вертикальная, как рыбка,
плыла бритва фирмы «Жиллетт»)!)*

Париж, как ты раним, Париж,
под скорлупою ироничности,
под откровенностью, граничащей
с незащищенностью,

Париж,
в Париже вы одни всегда,
хоть никогда не в одиночестве,
и в смехе грусть,
как в вишне косточка,
Париж – горящая вода,
Париж,
как ты наоборотен,
как бел твой Булонский лес,
он юн, как купальщицы,
бежали розовые собаки,
они смущенно обнюхивались,
они могли перелиться одна в другую,
как шарики ртути,
и некто, голый, как змея,
промолвил: «Чернобурка я»,

или люди,
на месте отвинченных черепов,
как птицы в проволочных клетках,
свистали мысли,

монахиню смущали мохнатые мужские видения,
президент мужского клуба потрясая
разоблачениями
(его тайная связь с женой раскрыта,
он опозорен),

над полисменом ножки реяли,

как нимб, в серебряной тарелке
плыл шницель над певцом мансард,
в башке ОАСа оголтелой
дымился Сартр на сковородке,
а Сартр,
наш милый Сартр,
задумчив, как кузнечик кроткий,
жевал травиночку коктейля,
всех этих таинств
мудрый дух
в соломинку,
как стеклодув,
он выдул эти фонари,
весь полый город изнутри,

и ратуши и бюшери,
как радужные пузыри!

Я тормошу его:
«Мой Сартр,
мой сад, от зим не застекленный,
зачем с такой незащищенностью
шары мгновенные
летят?

Как страшно всё обнажено,
на волоске от ссадин страшных,
их даже воздух жжет, как рашпиль,
мой Сартр!

Вдруг всё обречено?!»

Молчит кузнечик на листке
с безумной мукой на лице.

Било три...

*Мы с Ольгой сидели в «Обалделой лошади»,
в зубах джазиста изгибался звук в форме саксофона,
женщина усмехнулась.*

«Стриптиз так стриптиз», —

сказала женщина,

*и она стала сдирать с себя не платье, нет, —
кожу! —*

*как снимают чулки или трикотажные
тренировочные костюмы,*

— О! о! —

*последнее, что я помню, это белки,
бесстрастно-белые, как изоляторы,
на страшном, орущем, огненном лице...*

«...Мой друг, растает ваш гляссе...»

Париж. Друзья. Сомкнулись стены.

А за окном летят в веках

мотоциклисты в белых шлемах,

как дьяволы в ночных горшках.

Ночь

Сколько звезд!
Как микробов
в воздухе...

1963

Муромский сруб

Деревянный сруб,
деревянный друг,
пальцы свел в кулак
деревянных рук,

как и я, глядит Вселенная во мрак,
подбородок положивши на кулак,

предок, сруб мой, ну о чем твоя печаль
над скамейкою замшелой, как пищаль?

Кто наврал, что я любовь твою продал
по электроэлегантным городам?

Полежим. Поразмышляем. Помолчим.
Плакать – дело, недостойное мужчин.

Сколько раз мои печали отвели
эти пальцы деревянные твои...

Баллада-диссертация

Вчера мой доктор произнес:
«Талант в вас, может, и возможен,
но ваш паяльник обморожен,
не суйтесь из дому в мороз».

О нос!..

Неотвратимы, как часы,
у нас, у вас, у капуцинов
по всем
законам
медицины
торжественно растут носы!

Они растут среди ночи
у всех сограждан знаменитых,
у сторожей,
у замминистров,
сопя бессонно, как сычи,
они прохладны и косы,
их бьют боксеры,
щемят двери,
но в скважины, подобно дрели,
соседак ввинчены носы!
(Их роль с мистической тревогой

интуитивно чуял Гоголь.)

Мой друг Букашкин пьяны были,
им снился сон:

подобно шпилью,
сбивая люстры и тазы,
пронзая потолки разбуженные,
над ним
рос

нос,
как щеки в булочной,
нанизывая этажи!

«К чему б?» – гадал он поутру.
Сказал я: «К Страшному суду.
К ревизии кредитных дел!»

30-го Букашкин сел.

О, вечный двигатель носов!
Носы длиннее – жизнь короче.
На бледных лицах среди ночи,
как коршун или же насос,
нас всех высасывает нос,

и говорят, у эскимосов
есть поцелуй посредством носа...

Но это нам не привилось.

1963

Лирическая религия

Несутся энтузиасты
на горе мальтузианству,
человечество увеличивается
в прогрессии лирической!

(А Сигулда вся в сирени,
как в зеркала уроненная,
зеленая на серебряном,
серебряная на зеленом.)

В орешнях, на лодках, на склонах,
смущающаяся, грешная,
выводит свои законы
лирическая прогрессия?

Приветик, Трофим Денисычи
и мудрые Энгельгардты.
 $2 = 1 > 3\ 000\ 000\ 000!$

Рушатся Римы, Греции.
Для пигалиц обнаглевших
профессора, как лешие,
вызубривают прогрессию.
Ты спросишь: «А правы ль данные,
что сердце в момент свидания

сдвигает 4 вагона?»
Законно! Законно! Законно!

Танцуй, моя академик!
Хохочет до понедельника
на физике погоревшая
лирическая прогрессия!

Грозит мировым реваншем
в сиренях повызревавшая —
кого по щеке огревшая? —
лирическая агрессия!

1963

Латышский эскиз

Уходят парни от невест.
Невесть зачем, из отчих мест
три парня подались на Запад.
Их кто-то выдает. Их цапают.
41-й год. Привет!
«Суд идет!» Десять лет.

«Возлюбленный, когда ж вернешься?!
четыре тыщи дней, как ноша,
четыре тысячи ночей
не побывала я ничьей,
соседским детям десять лет,
прошла война, тебя всё нет,
четыре тыщи солнц скатилось,
как ты там мучаешься, милый,
живой ли ты и невредимый?
предела нету для любимой —

ополоумевши любя,
я, Рута, выдала тебя —
из тюрем приходят иногда,
из заграницы – никогда...»
...Он бьет ее, с утра напившись.
Свистит его костыль над пирсом.

О вопли женщины седой:

«Любимый мой! Любимый мой!»

1963

«Как всегда, перед дорогой...»

Как всегда, перед дорогой
говорится не о том.
Мы бравлируем с тревогой,
нам всё это нипочем.

...В темноте лицо и брюки,
только тенниска бела,
ты невидимые руки
к самолету подняла.

Так светяще, так внимательно
вверх протянута, вопя,
как Собор
 Парижской
 Богоматери —
безрукавочка твоя!

1964

«Шарф мой, Париж мой...»

Шарф мой, Париж мой,
серебряный с вишней,
ну, натворивший!

Шарф мой – Сена волосяная,
как ворсисто огней сиянье,

шарф мой Булонский, туман мой мохнатый,
фары шоферов дуют в Монако!

Что ты пронзительно шепчешь, горячий,
шарф, как транзистор, шкалою горящий?

Шарф мой, Париж мой непоправимый,
с шалой кровинкой?

Та продавщица была сероглаза,
как примеряла она первоклассно,
лаковым пальчиком с отсветом улиц
нежно артерии сонной коснулась...

В электрическом шарфе хожу,
душный город на шее ношу.

1963

Тишины!

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?
Тишины...

чтобы тень от сосны,
щекоча нас, перемещалась,
холодящая, словно шалость,
вдоль спины, до мизинца ступни.

Тишины...

звуки будто отключены.
Чем назвать твои брови с отливом?
Понимание – молчаливо.
Тишины.

Звук запаздывает за светом.
Слишком часто мы рты разеваем.
Настоящее – неназываемо.
Надо жить ощущением, цветом.

Кожа тоже ведь человек,
с впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
как для слуха – поет соловей.

Как живется вам там, болтуны,
на низинах московских, аральских?
Горлопаны, не наорались?

Тишины...

Мы в другое погружены.
В ход природ неисповедимый.
И по едкому запаху дыма
Мы поймем, что идут чабаны.

Значит, вечер. Вскипает приварок.
Они курят, как тени тихи.

И из псов, как из зажигалок,
Светят тихие языки.

1963

Итальянский гараж

Б. Ахмадулиной

Пол – мозаика
как карась.
Спит в палаццо
ночной гараж.

Мотоциклы как сарацины
или спящие саранчихи.

Не Паоло и не Джульетты —
дышат потные «шевролеты».

Как механики, фрески Джотто
отражаются в их капотах.

Реют призраки войн и краж.
Что вам снится,
ночной гараж?

Алебарды?
или тираны?
или бабы
из ресторана?..
Лишь один мотоцикл притих —

самый алый из молодых.

Что он бодрствует? Завтра – Святки.
Завтра он разобьется всмятку!

Апельсины, аплодисменты...

Расшибающиеся —
бессмертны!

Мы родились – не выживать,
а спидометры выжимать!..

Алый, конченный, жарь! Жарь!
Только гонщицу очень жаль...

1962

Бьет женщина

В чьем ресторане, в чьей стране – не вспомнишь,
но в полночь
есть шесть мужчин, есть стол, есть Новый год,
и женщина разгневанная – бьет!

Быть может, ей не подошла компания,
где взгляды липнут, словно листья банные?
За что – неважно. Значит, им положено —
пошла по рожам, как белье полощут.

Бей, женщина! Бей, милая! Бей, мстящая!
Вмажь майонезом лысому в подтяжках.
Бей, женщина!
Массируй им мордасы!
За все твои грядущие матрасы,

за то, что ты во всем передовая,
что на земле давно матриархат —
отбить,
обуть,
быть умной,
хохотать, —
такая мука – непередаваемо!
Влепи в него салат из солонины.
Мужчины, рыцари,

куда ж девались вы?!

Так хочется к кому-то прислониться —
увы...

Бей, реваншистка! Жизнь – как белый танец.

Не он, а ты его, отбивши, тянешь.

Пол-литра купишь.

Как он скучен, хрыч!

Намучишься, пока расшевелишь.

Ну можно ли в жилет пулять мороженым?!

А можно ли

в капронах

ждать в морозы?

Самой восьмого покупать мимозы —
можно?!

Виновные, валитесь на колени,

колонны,

люди,

лунные аллеи,

вы без нее давно бы околели!

Смотрите,

из-под грязного стола —

она, шатаясь, к зеркалу пошла.

«Ах, зеркало, прохладное стекло,

шепчу в тебя бессвязными словами,

сама к себе губами прислоняюсь

и по тебе сползаю тяжело,

и думаю: трусишки, нету сил —
меня бы кто хотя бы отлупил!..»

1964

Песня Офелии

Мои дела —
как сажа бела,
была черноброва, светла была,
да всё добро свое раздала,

миру по нитке – голая станешь,
ивой поникнешь, горкой растаешь,
мой Гамлет приходит с угарным дыханьем,
пропахший бензином, чужими духами,
как свечки, бокалы стоят вдоль стола,

идут дела
и рвут удила,
уж лучше б на площадь в чем мать родила,

не крошка с Манежной, не мужу жена,
а жизнь, как монетка,
на решку легла,

искала —
орла,
да вот не нашла...

Мои дела —
как зола – дотла.

1957

Прощание с Политехническим

Большой аудитории посвящаю

В Политехнический!

В Политехнический!

По снегу фары шипят яичницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.